

АЛЪФОНС
ДОДЕ

Сафо

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Д60

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с французского *Н. Любимова*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Доде, Альфонс.

Д60 Сафо : [роман] / Альфонс Доде ; [перевод с французского Н. Любимова]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 256 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-183968-0

«Сафо» — один из главных романов Доде. О нем Эдмонд Гонкур, в честь которого названа главная литературная премия Франции, писал: «Сафо» — самая совершенная, самая человечная его книга».

В центре повествования — волнующая история любви юноши Жана Госсена, студента юридического факультета, и Фанни Легран, немолодой натурщицы, известной под псевдонимом Сафо, которая разворачивается на фоне пестрой панорамы парижского общества, где неприглядная действительность провинциальной жизни сталкивается со столичным блеском. Удастся ли Фанни, готовой к самопожертвованию и презирающей буржуазное общество, и Жану, терзаемому сомнениями, сохранить эти отношения, множество раз претерпевшие испытания предрассудками? Или их мечтам не суждено сбыться?..

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-183968-0

© Перевод. Н. Любимов, наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Моим сыновьям —
с условием, что они прочтут эту книгу,
когда им исполнится двадцать лет.*

I

— Да ну, посмотрите же на меня!.. У вас красивые глаза... Как вас зовут?

— Жан.

— Просто-напросто Жан?

— Жан Госсен.

— Вы южанин, вас выдает произношение... Сколько вам лет?

— Двадцать один год.

— Вы художник?

— Нет.

— Ах, как хорошо!..

Июньской ночью на бале-маскараде, в оранжерее, где росли пальмы и древовидный папоротник, служившие фоном мастерской Дешелета, обменивались обрывками этих фраз, заглушаемых криками, смехом, танцевальной музыкой, riffегаго¹ и феллашка.

На ее настойчивые расспросы riffегаго отвечал с простодушием, свойственным его нежному возрасту, с увлечением, с чувством облегчения, которое испытывал сейчас этот долго молчавший южанин. Чуждый миру художников и скульпторов, при вхо-

---

¹ Волынщик (*итал.*).

де на бал тотчас потерявший приятеля, который его сюда привел, он целых два часа прохаживался от скуки по залам, а женщины заглядывались на этого красивого блондина с лицом, покрытым золотистым загаром, с мелкими и густыми, как ворс на его костюме, завитками волос, и незаметно для южанина вокруг него уже вздымалась и рокотала волна успеха.

Танцоры толкали его, молодые художники хихикали над волынкой, которую он держал боком, хихикали над тяжелой одеждой горца, в которой ему летней ночью было мучительно жарко. Между тем японка с глазами простолюдинки, с поддерживавшими ее высокую прическу стальными прутьями, задорно поглядывая на него, напевала: «Ах, как ты хорош, ах, как ты пригож, парень молодой!..» А невеста-испанка в шелковом платье с белыми кружевами, идя под руку с вождем индейского племени, яростно тыкала ему в нос букетом жасмина.

Он ничего не мог понять в этих заигрываниях; ему представлялось, что вид у него, наверное, сейчас уморительный, и он предпочел укрыться в прохладной тени застекленной галереи, где у самой стены под деревьями стоял широкий диван. Тут-то к нему и под села эта женщина.

Красивая, молодая?.. Это он не сумел бы сказать... Из длинного синего шерстяного платья, обтягивавшего ее полное тело, выступали голые до плеч, тонкие округлые руки. Изящные пальцы, унизанные кольцами, серые, широко раскрытые глаза, величину которых подчеркивали свисавшие со лба затейливые металлические украшения, — все это удивительно гармонировало.

Наверно, актриса. У Дешелета их перебывало много. Эта догадка встревожила его — подобная категория женщин внушала ему непреодолимый страх. Она сидела рядом, уперев локоть в колено, уронив голову на руку, и смотрела на него торжественно-грустно и слегка утомленно.

— Нет, вы правда южанин?.. А волосы какие светлые!.. Это редкость.

Потом ей захотелось узнать, когда именно он переехал в Париж, труден ли экзамен на право занятия должности консула, много ли у него знакомых и как он очутился на вечере у Дешелета, на Римской, так далеко от Латинского квартала.

Когда он назвал фамилию студента, который его сюда привел (Ла Гурнери... родственник поэта... ей, конечно, известно это имя...), лицо ее внезапно омрачилось, но он не обратил на это внимания: он был еще в том возрасте, когда глаза блестят, ничего не видя вокруг. Ла Гурнери обещал, что его двоюродный брат тоже будет здесь и что он их представит друг другу.

— Я так люблю его стихи!.. Я был бы счастлив с ним познакомиться...

Она грустно улыбнулась, — видимо, он внушал ей жалость своей непосредственностью, — изящным движением приподняла плечи, а затем, отведя рукой легкие листья бамбука, устремила взгляд на бал — не видать ли там великого человека.

Празднество между тем блистало и кружилось, как апофеоз в феерии. В мастерской никто не работал, а потому ее скорее можно было назвать холлом, и на легких, летних обоях этой громадной двусветной залы, на шторах из тонкой соломы, на газовых занавесках, на лакированных ширмах, на разноцвет-

ной посуде, на кусте желтых роз, закрывавшем очаг высокого камина в стиле Возрождения, играл причудливый, радугой переливающий свет бесчисленных фонариков: китайских, персидских, мавританских, японских, из резного железа, со стрельчатым сводом, точно дверь мечети, из цветной бумаги, придававшей им сходство с плодами, распахнутых в виде веера, напоминавших цветков, птицу ибиса, змею. По временам стремительная мощная струя голубоватого электрического света заставляла тускнеть сонм огоньков и заливала лунным сиянием лица и обнаженные плечи, фантазмагорию тканей, перьев, блесток, лент, во время танцев задевавших одна другую, поднимавшихся по голландской лестнице с широкими перилами, ведущей на галереи второго этажа, над которыми возвышались грифы контрабасов и мелькали осатанелые взмахи дирижерской палочки.

Молодой человек смотрел на все это сквозь сетку зеленых ветвей и цветущих лиан, составлявших часть убранства, обрамлявших празднество, и в силу обмана зрения ему казалось, будто навстречу танцевальной суете взлетают гирлянды глициний и увивают серебряный шлейф принцессы, будто лист драцены накрывает милую головку пастушки, одетой в стиле помпадур. Его интерес к зрелищу усиливался благодаря тому, что египтянка называла имена — широко известные, славные имена, скрытые под маскарадными костюмами, забавными в своем разнообразии и замысловатости.

Псарь с коротким хлыстом через плечо — это Жадэн¹. Чуть дальше — в поношенной сутане сельского

---

¹ Жадэн Луи-Годфруа (1805–1882) — французский художник, писавший главным образом сцены охоты.

священника — старик Изабе¹; он кажется выше своего роста оттого, что в каждую из его туфель с пряжками подложена целая колода карт. Из-под огромного козырька фуражки инвалида улыбается старик Коро². Еще она ему показала Тома Кутюра³, вырядившегося бульдогом, Юндта⁴, вырядившегося «тюремной крысой», и Хама⁵, вырядившегося диковинной птицей.

Пышные исторические костюмы, в которые облеклись совсем молодые художники, изображавшие кто Мюрата в шляпе с султаном, кто принца Евгения, кто Карла I, подчеркивали разницу между двумя поколениями: молодые художники были мрачны, холодны, их лица напоминали лица биржевиков, которых старят особого рода морщины, пролагаемые заботами о деньгах, зато старики были куда более шаловливы, шумливы, ребячливы, непоседливы.

Несмотря на свои пятьдесят пять лет и академические пальмы, скульптор Каудаль был в костюме балаганного гусара, с голыми руками, выставлявшими напоказ мощные бицепсы, с подвешенной наподобие ташки палитрой, бившей его по длинной ноге; он

---

¹ Изабе Эжен-Луи-Габриэль (1804–1886) — французский художник, пейзажист и жанрист.

² Коро Камиль (1796–1875) — великий французский художник-пейзажист.

³ Тома Кутюр (1815–1879) — французский художник, один из наиболее талантливых представителей академического направления.

⁴ Юндт Густав-Адольф (1830–1884) — французский художник, жанрист и карикатурист.

⁵ Хам (псевдоним Амедея де Ноэ, 1819–1879) — французский график, карикатурист и жанрист; взял псевдоним «Хам», так как его фамилия де Ноэ может значить «сын Ноя».

покачивал бедрами, представляя последнего кавалера времен Гранд-Шомьер¹, а напротив него композитор де Поттер, который изображал подгулявшего муэдзина, в тюрбане набекрень танцевал танец живота и пронзительно выкрикивал: «Алла ил алла!»

Широкий круг гостей отгораживал расшалившихся знаменитостей от танцоров. На самом виду хозяин дома Дешелет шурил под высокой персидской папашой свои маленькие глазки, морщил калмыцкий нос, выставлял седеющую бородку, радовался тому, как развлекаются другие, и сам неприметно для окружающих веселился от души.

Инженер Дешелет, лет десять-двенадцать тому назад представлявший собой заметную фигуру в парижском художественном мире, щедрый, богатый, с поползновениями на причастность к искусству, отличавшийся той внутренней свободой, тем презрением к общественному мнению, которое вырабатывает в человеке образ жизни вечного путешественника и холостяка, в ту пору строил железную дорогу Тавриз — Тегеран и каждый год, чтобы прийти в себя после десятимесячного напряжения, после ночей в палатке, после лихорадочной скачки по пескам и болотам, проводил самое жаркое время года вот в этом особняке на Римской улице, построенном по его чертежам, обставленном, как летний дворец; собирал у себя умных мужчин и красивых женщин и требовал от цивилизации, чтобы она за несколько недель угостила его самыми пряными своими лакомствами.

---

¹ Гранд-Шомьер — танцевальный зал в Париже, в 1820—1830-х гг. — любимое место сборищ студентов и богемы Латинского квартала.

«Дешелет приехал!» Как только, подобно театральному занавесу, над многооконным фасадом особняка поднимался огромный тиковый навес, новость мгновенно обегала мастерские. Это означало, что пойдет веселье, что предстоит два месяца музыки и танцев, приволья и раздолья, будившего сонную тишь богатого квартала, разъезжавшегося по дачам и морским курортам.

Сам Дешелет не участвовал в вакханалии, день и ночь бурлившей вокруг него. Неутомимый гуляка привносил в развлечения буйство холодное, он смотрел по сторонам блуждающим, улыбчивым взглядом человека, только что накурившегося гашишу, и вместе с тем взгляд его поражал несокрушимым спокойствием и несокрушимой трезвостью. Верный друг, дававший займы без счета, к женщинам он питал чисто восточное презрение, уживавшееся со снисходительностью и учтивостью. И ни одна из тех, что приходили к нему, привлеченные его огромным состоянием и жизнерадостной изобретательностью его окружения, не могла похвалиться, что была его любовницей больше одного дня.

— Что ни говорите, а человек он хороший... — добавила египтянка, продолжавшая просвещать Госсена, и вдруг, оборвав себя на полуслове, воскликнула: — Вот он, ваш поэт!..

— Где? Где?

— Да вот, прямо перед вами... в костюме деревенского жениха...

У молодого человека вырвался вздох разочарования. Так вот он, его любимый поэт! Толстяк, лоснящийся, потный, в пристежном воротничке, в пестром жилете, точно снятом с деревенского щеголя, расто-

чающий тяжеловесные любезности!.. Госсену мгновенно пришли на память вопли отчаяния из «Книги о любви», которую он не мог читать без лихорадочного волнения, и он машинально произнес вслух:

Чтоб жизнь вдохнуть, Сафо, в твой горделивый мрамор,
Ты знаешь — отдал я по капле кровь мою...

Она живо обернулась, отчего пришли в движение и зазвенели все ее восточные украшения.

— Что вы сказали?

Это были стихи Ла Гурнери. Госсен удивился, что она их не знает.

— Я не люблю стихов... — отрезала она.

Некоторое время она стояла неподвижно, хмурая брови, глядя на танцующих и нервно теребя чудесные гроздьи сирени. Затем, справившись с волнением, что, видимо, стоило ей немалых усилий, сказала:

— Прощайте!

И скрылась.

Бедный риффаго остался в полном недоумении. «Что с ней?.. Неужели я сказал ей что-нибудь обидное?..» Он стал припоминать, но так ничего и не припомнил и подумал, что самое лучшее — пойти домой спать. С унылым видом подхватил он свою волынку и, менее озадаченный исчезновением египтянки, чем необходимостью пробираться к двери через всю эту толпу, вошел в бальную залу.

Сознание, что здесь столько знаменитостей, а он никому не известен, наводило на него еще большую робость. Уже никто почти не танцевал. Лишь несколько парочек с остервенением вертелись под звуки замиравшего вальса, и среди них Каудаль, величественный, громадный, держа голову прямо, кружил

низенькую санкюлотку, — волосы у нее развевались, а он крепко держал ее своими красными руками.

В настежь распахнутое большое окно в глубине залы потоками вливался утренний бледнеющий воздух, колыхал листья пальм и пригибал огоньки свечей, как бы стараясь задуть их. Вспыхнул бумажный фонарик, загорелись розетки. Вдоль стен слуги расставляли круглые столики, как на террасах кафе. У Дешелета всегда так ужинали — по четыре, по пять человек за столиком. И вот тут-то вы подбирали симпатичных вам людей и объединялись с ними.

Смешались возгласы, свирепые переключки, непристойный жаргон окраин, отвечавший на крикливое «йю-йю-йю-йю!» дочерей Востока, разговоры вполголоса и сладострастный смех женщин, возбужденных лаской.

Госсен воспользовался было суматохой, чтобы проскользнуть к выходу, но в эту минуту его приятель-студент, вспотевший, с выпученными глазами, держа под мышками бутылки, остановил его.

— Где вы пропадаете?.. Я вас искал, искал... У меня уже есть столик, женщины, маленькая Башельри из Комедии-Буфф... Запомните: она одета японкой... Она послала меня за вами... Скорей, скорей!..

С этими словами он убежал.

Pifferago хотелось пить. Вдобавок ему кружил голову бальный хмель, а тут еще славненькая актрисулька делала ему знаки. И вдруг над самым его ухом слышался мягкий, настойчивый шепот:

— Не ходи туда!..

Он оглянулся: перед ним стояла его давешняя собеседница, затем она повела его к выходу, и он, не колеблясь, последовал за ней. Почему? Тут действо-